

NOVELA

18+

Страшные
люди

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Novela

Странные мы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Novela

Странные мы / Novela — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Двадцатилетняя Кая Стерано переживает сложный период: предательство, осуждение, депрессия – все это так хорошо знакомо девушке. Когда кажется, что лучше уже не станет, она знакомится с Данте. Данте самый загадочный и странный парень, которого встречала Кая. Он помогает старушкам и кормит бездомных. Дети в больнице обожают его. А еще он временами исчезает, и Кая не знает, куда. Возможно, стоит прислушаться к друзьям и держаться от него подальше? Да и сердце подсказывает: с этим парнем что-то не так. Но именно он вернул ей радость к жизни и заставил поверить вновь... Содержит нецензурную брань.

© Novela, 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	23
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Эй!

– С этим пора кончать, – решительно заявляет Ким, пряча за спиной книгу, которую только что выхватила у меня из рук.

– С чем – книгами? – улыбаюсь я, потому что, когда Ким пытается выглядеть сердитой, это на самом деле смотрится забавно. Она слишком гламурна, чтобы казаться угрожающей.

– С книгами, затворничеством, одинокими, тоскливыми вечерами, – перечисляет она. Я решаю остановить ее, иначе она еще долго может продолжать в таком духе.

– Не драматизируй. Мне это нравится. Для меня это не каторга какая-нибудь.

Она скептически вскидывает темные брови. Завидую ее бровям – у нее они идеальные от природы.

– Не сомневаюсь, что нравится. Но, серьезно, сколько можно? Пора поднять свою задницу с этого дивана и сводить ее развеяться.

– Моей заднице слишком хорошо на этом диване. Здесь уже появился ее отпечаток, что, знаешь ли, очень комфортно. И вообще...

– Кая! – стонет Ким, закатывая глаза. – Хватит нести чушь! Сегодня никаких отговорок. Это больше не сработает. – Она качает головой с видом: «Не в этот раз, детка».

– Знаешь, что-то мне нехорошо, – морщусь я, кладя руку на живот. – У меня подозрение, что то тако, что я съела в обед, было не очень свежим. Думаю, мне лучше остаться дома. Для перестраховки. – Я многозначительно киваю в сторону ванной.

– Притворщица из тебя никудышная. И хватит трескать чипсы! – Она хватает наполовину съеденную пачку сырных «Лейс». – Твоей заднице скоро понадобится больше места на этом бедном диване.

Делаю вид, что глубоко оскорблена ее замечанием.

– Да я всего-то парочку килограмм набрала! Моя задница только выиграла от этого – она как заново родилась!

Ким крутит пальцем у виска и уходит на кухню с моими чипсами и книгой. Я перегибаюсь через спинку дивана и провожаю их тоскливым взглядом.

– Пожалуйста, Кая, пойдем, – просит Ким, меняя тактику.

Упрямо качаю головой. Не хочу. От одной мысли, что пойду на вечеринку, начинает бросать в дрожь.

Я пообещала себе, что больше не стану посещать студенческие тусовки до самого выпуска. И держала слово последние полгода. Осталось еще полтора. Я не намерена что-то менять.

– Никаких вечеринок, Ким. Никакого алкоголя. Теперь это моя религия. Не пытайся сбить меня с пути истины и света.

Она терпеливо ждет, когда я закончу.

– Я не прошу тебя пить. Более того: я и сама не буду. Мы просто потанцуем, пообщаемся, посмотрим, как напиваются другие.

– Ненавижу общаться. Я бы повторно высидела лекцию профессора МакКинана про земляных червей, чем стала бы общаться с людьми, которые мне неинтересны. – Чтобы придать своим словам больший эффект, я изображаю спазмический приступ.

На месте Ким я бы уже забила на себя. Я знала, что этот день придет и она перестанет принимать мои отговорки.

– Эта вечеринка не в кампусе. Сомневаюсь, что там мы встретим много наших знакомых.

– Это вечеринка из прошлого, в котором люди еще не знают о существовании интернета?

– Сомневаюсь. Но если такая будет, я тебе обязательно сообщу. Пожалуйста, пойдем!
О, господи! Эта особа решила взять меня измором! Я шлёпаюсь на спину и громко, с надрывом хнычу.

– На Каю опять нашло?

Я слышу снисходительный голос Джея – парня Хизер. Мне его не видно, но я слишком хорошо знаю его улыбочку, когда он говорит обо мне.

Вскидываю руку и показываю ему средний палец.

– Пошел ты, Митчем!

– Как всегда неподражаема, – сухо отзывается бойфренд моей соседки. Затем они с Хизер прощаются, и этот говнюк уходит.

– Спасибо, – поднявшись, говорю я.

Хизер в своем шелковом кимоно и прической «та, кого как следует оттрахали».

Довольная.

– За что это?

– За то, что сегодня Джей не кричал как раненный лось. Не знаю, что ты сделала, но это сработало.

Лицо Хизер краснеет.

– Дай ей пирожок какой-нибудь, чтобы ее рот был занят и не говорил гадостей, – просит она Ким, а та едва сдерживает смех.

– Эй! Я не так много ем! Что это еще за насмешки такие?

Подруги как по команде одаривают меня красноречивым взглядом. Поджимаю губы: подумаешь! Ну, может и набрала чуток, но это не удивительно. Когда не приходится ходить на лекции, я сижу дома, смотрю фильмы, тв-шоу или читаю. Для разнообразия учусь. И ем. А что еще делать в отсутствии социальной и личной жизни?

Так, ладно. Что-то я и правда засиделась.

Поднимаюсь и потираю ягодицы: они совсем замлели.

– Ура! Кая идет с нами! – хлопает в ладоши Ким.

Поднимаю руку, пресекая ее восторг, пока совсем не обалдела от серотонина.

– Притормози, я только встала пописать.

Ким сникает. А Хизер преграждает мне дорогу. Вот когда сердится она, это нихрена не забавно.

– Не устала еще сидеть тут и хандрить? Рано или поздно тебе придется вернуться к людям.

– Предпочитаю позже.

– Все уже забыли, Кая, – увещевает Хизер.

Я суплю брови.

– Весь город вдруг посетили Люди в черном и стерли всем память своей хреновиной? Если нет, тогда я лучше останусь.

Как всегда улыбаюсь, прячась за сарказмом. Но это лучше, чем все время только плакать и распускать соплю, что я и делала в первые два месяца.

– Ну хватит. – Хизер не улыбается – просто сама серьезность. – Я понимаю, что...

– Нет, не понимаешь, – раздражаясь, перебиваю я.

Она вздыхает, а я тут же раскаиваюсь, потому что эти девушки единственные, кто поддержал меня. Они не дали мне окончательно свихнуться после того случая в марте.

– Ладно, но я хочу тебе помочь, – примирительно говорит Хизер. – Мы с Ким. А заточение в этих стенах не помогает.

Ким кивает, соглашаясь. И впервые я начинаю колебаться. Возможно, они и правы. Ведь я и сама не в восторге от этого заключения.

– Если мне не понравится, я уйду.

– Конечно!

– Сразу же!

В один голос соглашаются подруги.

– И если это в каком-нибудь братстве, то ноги моей там не будет.

Уже начинаю жалеть, что согласилась. Герой в той книге, что я читала, пока Ким не отобрала ее у меня, уже почти уломал трепетную даму на перепихончик.

– Это не в братстве, и не в кампусе. Сомневаюсь, что этот чувак вообще студент, – говорит Ким.

– Какой чувак? – Я переминаюсь на месте: мне правда надо пописать.

– Все знают его как Данте. Тусовки у Данте. – Хизер жмет плечом, будто мне это должно о чем-то сказать. – Он кидает в твиттере время и место, и все собираются у него.

Меня нет в соцсетях с прошлого марта.

– Это как-то стремно.

– Это просто вечеринка, Кая, – проявляет терпение Хизер.

Господи, благослови этих девчонок! Они терпят меня больше, чем я иногда заслуживаю. Я ведь знаю, что не подарок.

Через час мы выдвигаемся. На улице уже стемнело, и мне немного непривычно быть в такое время не дома. В безопасности и изолированности от внешнего мира.

У меня немного дрожат колени и потеют подмышки, и вообще – страшно до усрачки.

– С этого вечера все изменится, – торжественно заявляет Хизер, когда мы направляемся на эту странную вечеринку к странному парню.

Я сижу на заднем сиденье, нервно сжимая ладони. Хизер за рулем своего приуса, а Ким рядом на пассажирском сиденье.

– Теперь все будет хорошо.

– Непременно, – подхватывает Ким, улыбаясь мне через плечо.

Я показываю ей два поднятых пальца вверх. Надеюсь, я не выгляжу как человек, который обделался от страха, потому что по ощущениям так и есть.

Я молчу, но про себя думаю, что одна вечеринка, пусть и в компании подруг, не решит моих проблем.

Я даже не знаю, что может это сделать. Может быть, время, но его пока что недостаточно.

Хм... Ким оказалась права – на этой вечеринке почти нет людей, которых мы знаем.

Но, может кто-то знает меня...

Я напряжена в ожидании, что кто-нибудь сейчас ткнет в меня пальцем и закричит: «Эй, а я тебя знаю».

Да нихрена ты меня не знаешь, но, что вполне вероятно, видел.

Место, где мы оказались, на звание фешенебельного точно не претендует. Старый пятиэтажный дом без лифта и с решетками на окнах. Мы поднялись на последний этаж и только у меня появилась отдышка.

– Заткнись, – ворчу я, видя, что Ким уже открыла рот это прокомментировать.

Музыка играет слишком громко: я бы на месте соседей уже звонила копам. Народу немаленько. Вопрос: как все эти тела вместились в эти довольно маленькие комнатки?

Начинаю качать головой в такт музыке, пытаюсь таким образом хотя бы немного расслабиться и успокоиться. Очень тесно и слишком много контакта. Мне хочется сбежать.

– Как ты?

Ловлю на себе обеспокоенный взгляд Ким.

– Огонь! Заводная песенка! Потанцуем?

Я делаю что-то вроде танцевальных движений. Какой-то парень наталкивается на мою спину. Я шиплю и как ошпаренная отшатываюсь прочь.

– Прости!

Он смотрит на меня как на ненормальную, потом дергает плечом и сваливает.

– Ты пугаешь людей, – смеется Ким.

– Это люди пугают меня, – перекрикиваю музыку. – А пожевать тут есть что, или кроме бухла ничего?

Хизер тяжело вздыхает и качает головой.

Показываю ей язык.

– Так где он?

Я осматриваю танцующих и тех, кто успел занять лучшие места, гадая, кто может оказаться хозяином.

– Кто?

– Ну, этот ваш Данте.

– Не знаю, – пожимает плечами Ким.

– Никто его не видел, – говорит Хизер.

Я тарашу на них глаза.

– Чудненько! Это может быть маньяк, который заманил нас в ловушку и теперь всех перебьет.

– Тут людей около сотни, – скептически замечает Ким.

– Ну и что. Сначала усыпит всех газом, а потом пустит на фарш, – развиваю воображение я.

Хизер усмехается:

– Ты сумасшедшая.

Я фыркаю:

– Ну а то я не знаю! Иначе бы меня здесь не было.

Я осматриваюсь, прикидывая, как еще можно смыться, если не через ту дверь, что мы пришли. Решаю исследовать квартиру и определиться на местности. Это лучше, чем стоять на месте и впадать в панику.

Гостиная, спальня и кухня – под завязку. Иду к туалету, надеюсь, что хотя бы его никакая парочка не заняла под свои похотливые сношения. Мне везет: свободно. Не то, чтобы мне вдруг понадобилось в туалет, но эта маленькая комнатка сейчас просто самый настоящий дворец в сравнении с остальной квартирой.

Я делаю успехи. Определенно. Я оторвала свою попу от дивана и теперь прячусь в туалете, пока народ за дверью всюду развлекается и хлещет халявное пиво. Которое, очень может быть, отравлено.

Окно в ванной оказывается открытым. А вот и выход на пожарную лестницу. Перекидываю ногу через раму (дается не просто – мои обтягивающие джинсы стали как-то слишком обтягивать), вторую и выбираюсь на небольшую площадку. И только теперь замечаю, что на верхней ступеньке кто-то сидит.

М-да, неловко. Кажется, я немного кряхтела, пока карабкалась в окно.

И что теперь делать? Ползти назад? Не, не хочется, да и парень уже успел заметить меня.

– Похоже, ты первый нашел путь отхода, – нервно улыбаюсь я, когда дальше молчать становится неприлично, а парень с лестницы и не думает ничего говорить – только смотрит на меня.

– Что? – Его лоб под шерстяной шапочкой в замешательстве хмурится.

– Я искала, как буду сматываться, если хозяин квартиры вдруг окажется маньяком, – не моргнув, объяснила я. Да чего уж там: это не может быть более стыдно чем то, из-за чего я перестала куда-либо ходить.

Брови парня приподнимаются, теряясь под шапочкой.

– А он маньяк?

Я глубокомысленно киваю.

– Ходят такие слухи

– Тогда хорошо, что здесь есть лестница. – Он вдруг улыбается, и внезапно, со мной что-то происходит. Нет, это не любовь с первого взгляда, я не представляю нашу с ним свадьбу и себя всю такую красивую в фате. И нет, мои трусики не промокают насквозь вместе с джинсами. Но когда я вижу эту улыбку, то впервые за последние шесть месяцев мне становится... спокойно.

Я делаю несмелый вдох, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Тревога, которая не отпускала меня, вдруг побледнела и будто бы немного отступила.

Он двигается, кивая на свободное место рядом с собой. Несколько мгновений размышляю над приглашением, но затем устраиваюсь рядом. Лестница не очень широкая, но моя попа вполне себе помещается по соседству с его мягким местом.

Так и знала, что девчонки зря на нее наговаривают.

Мой новый знакомый не особенно разговорчив, но для него не проблема с любопытством коситься в мою сторону. Ненавижу болтовню, но еще больше не люблю неловкое молчание.

– Веселая вечеринка, – спрятав руки между коленей, говорю я.

Это не так, но сказать что-то надо.

– Но с маньяком было бы круче?

– Думаю, это бы ее взбодрило, – соглашаюсь я.

Он улыбается. Неожиданно для себя делаю то же самое. Я не улыбалась несколько месяцев. Язвила, насмеялась, хохотала и острила, демонстрировала оскалы (обычно Джею), но не улыбалась. Просто так, от души.

– Как тебя зовут? – спрашивает парень с лестницы (видимо, для меня он им так и останется).

– Кая.

Это так странно, что мне с ним спокойно. Он ведь парень, совершенно незнакомый мне парень, а я совсем не волнуюсь.

Это удивительно.

– Значит, Кая. – Он смотрит на меня внимательно и кивает, будто хочет сказать: «Да, так и думал, что тебя зовут именно так».

– Ты скажешь мне свое имя, или мне и дальше называть тебя «Парень с лестницы»?

– «Парень с лестницы»? – удивляется он.

– Так я тебя называю про себя, – поясняю я, словно тут ничего необычного нет.

– Меня зовут Данте.

Ох, черт! Я быстро соображаю, что бы такое ответить. Так вот он значит кто.

– А, маньяк, – понимающе киваю я.

Боже, что я несу!

Данте смеется, его плечи трясутся от негромкого, но очень приятного, немного хрипловатого смеха.

У него красивые зубы. Ровные и белые, замечаю я. Какого-то черта. Не знаю. Сдались мне его зубы.

– Я не маньяк.

– Не уверена, что нет, – сомневаюсь я.

– Я похож на маньяка?

Похоже, наш разговор его забавляет. Впрочем, меня тоже.

– У маньяков есть отличительные черты? – Я совершенно серьезна, хотя весь наш разговор абсурден. – Вот я тоже могу оказаться маньяком, а ты и не догадываешься, с кем сидишь рядом.

– Нет, не думаю, что ты могла бы, – с недоверием качает головой он.

– Потому что я девушка? История знает много женщин-серийных убийц, – деловито заявляю я.

– У тебя сил не хватит, да и ростом ты невысокая.

– Какие стереотипы! – Я закатываю глаза. – Вот я сейчас могу столкнуть тебя с лестницы. Большой силы и высокий рост здесь не нужны.

Он изображает ужас.

– Ты хочешь столкнуть меня с лестницы?

На секунду задумываюсь.

– Я недалеко от того, чтобы захотеть.

Данте наклоняет голову, бросая на меня взгляд из-под ресниц. Длинных, мать его, ресниц. Не уверена, но в свете, который падает из окна, его глаза кажутся зелеными.

– Ты ведь не злая на самом деле, Кая «Девушка с лестницы».

Прозвище, которое он мне дал, заставляет меня улыбнуться.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю, но мне так кажется, – негромко говорит он.

Я сглатываю, чувствуя горечь во рту. Иногда я сама в этом очень сомневаюсь, особенно когда представляю, как разделяюсь с Треем Вестоном.

Я не успеваю ничего ответить, когда ночную улицу освещают красно-синие огни – машина полиции тормозит у здания, в котором мы находимся.

– Черт!

Мы оба вскакиваем. Я лишь на долю секунды опережаю Данте. Похоже, кто-то из соседей все же пожаловался.

Я бросаюсь к окну, но Данте хватается меня за руку.

– Лестница.

Он указывает на лестницу, которая ведет вверх, на крышу.

– Там мои друзья, я должна увести их – им нет двадцати одного.

Даже если Ким и Хизер не пили, у них могут возникнуть проблемы. А у Ким очень строгий отец. Ей нельзя влипать в неприятности.

У нас совсем мало времени, но мне кажется, Данте раздумывает какой-то миг, прежде чем решает пойти со мной.

– Давай заберем их. И молчи о копах, иначе начнется паника и мы не сможем выбраться, – предупреждает он.

Я киваю: знаю, не дура.

Стараюсь не заострять внимание на том, что он все еще держит меня за руку. И мне это абсолютно точно нравится.

Когда мы пробираемся через окно назад в квартиру, Данте меня отпускает. Парень, который отливает в этот момент, проводит нас удивленным взглядом, но думаю, что он такой пьяный, что и не вспомнит этого.

– Найди своих друзей и веди сюда. Я прослежу, чтобы никто не заперся изнутри, – на ухо мне кричит Данте, перекивая музыку.

Я киваю и бросаюсь на поиски Ким и Хизер, игнорируя странное мление в животе, которое появилось там благодаря этому парню.

Мне везет. Девчонки вместе и недалеко от туалета.

– Кая, где ты...

– Надо идти! – шиплю я, хватая их за руки. Сомневаюсь, что они меня слышат, но мой вид, наверное, отбивает у них желание переспрашивать.

Данте сторожит наш путь отхода. Вместе с девчонками мы выбираемся на лестницу, когда в квартире начинается волнение. Полиция на месте, вечерника окончена.

– Сюда, – зовет Данте.

Я, Хизер и Ким карабкаемся вслед за ним по лестнице и оказываемся на крыше.

– Как ты узнала о копах? – спрашивает Ким, косясь на Данте.

– Мы с Данте увидели их с лестницы.

Подруги одновременно смотрят на парня. Он машет им рукой.

– Это ты Данте? Тот, из твиттера? – спрашивает Хизер.

Она звучит как-то восторженно. Мне становится за нее немного неловко.

– Думаю, в твиттере много людей с таким именем, но да, я один из множества этих Данте,
– подтверждает парень.

Кажется, ему не по себе от внезапного внимания.

Ким моргает. Хизер смотрит на него и молчит. Тот редкий случай, когда она не находит слов.

– А тебе разве не полагается быть там? Ты же хозяин квартиры, – говорю я.

Странно, что я только теперь об этом подумала. Хотя нет, как раз не странно.

– Это не моя квартира, – просто отвечает он.

– Как это? А чья тогда?

– Понятия не имею.

Он абсолютно невозмутим.

Я изумленно моргаю, совсем как Ким недавно.

– Думаю, они скоро уберутся. – Данте склоняется над ограждением и смотрит вниз.

– Надеюсь, ты не прыгать собрался, – замечаю я.

Он хмыкает.

– Неа. Свой плащ Супермена я сегодня не прихватил.

Кто, черт возьми, этот парень?! И почему рядом с ним я чувствую себя такой по-идиотски счастливой?

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Что?

Я больше не выдерживаю этих четыре направленных на меня лазера, которые служат Ким и Хизер глазами. Они буравят меня ими с тех пор, как мы вернулись домой.

Полиция разогнала вечеринку. Мы же дождалась, когда все стихнет и спустились по пожарной лестнице. Когда мы оказались на земле, Данте исчез, помахав мне на прощанье.

А я затосковала. Вдруг поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы наша с ним встреча оставалась первой и единственной.

– Итак, Данте, – многозначительно растягивает слова Ким, подпирая подбородок руками.

– Ким, сейчас очень поздно для любой недосказанности и намеков. Выкладывай, что у тебя там на уме, – машу рукой я. Пусть выговориться и я смогу пойти спать.

– Ким хочет сказать, что, очевидно, этот парень понравился тебе.

Хизер не из тех, кто будет ходить вокруг да около.

Я прихожу в растерянность: стоит ли отрицать, если подруги правы?

– Он... показался мне интересным, – осторожно говорю я.

Мне хочется втянуть голову в плечи и вообще спрятаться, потому что я отвыкла от таких разговоров с девчонками. Признаться, что мне нравится парень – это как признать, что я готова двигаться дальше. А в этом я все еще не уверена.

– Но он странный. – Я морщусь нос, глядя на соседок. – Он ведь не мне одной показался странным?

– Ты знаешь его дольше нас, вы дольше общались. – Ким пожимает плечами.

– В нем что-то такое есть, – соглашается Хизер. – Я бы на твоём месте к нему присмотрелась внимательней.

Я улыбаюсь.

– Тут есть проблема: не уверена, что еще увижу его. Он не взял мой номер, не оставил свой и ничем не дал понять, что еще раз хочет со мной встретиться. Так что... – Развожу руками, подводя печальный итог: может мне он и понравился, но это не важно, если я ему нет.

– Мне показалось, между вами... установился контакт, – игриво двигает бровями Ким. – Странно, почему он не взял твой номер.

В отличие от нее, мне совсем не странно. Может я и показалась Данте занятой, но не настолько, чтобы продолжать знакомство.

Подавленная, но не показывая этого, плетусь в свою комнату. Переодеваюсь в любимую пижаму с желтыми пчелками, в небольшой ванной, которую делим с Ким (эту квартиру нашла Хизер и заняла лучшую комнату с личной ванной), чищу зубы, потухшим взглядом глядя на свое отражение.

У меня совершенно обычная внешность. Немного вьющиеся, каштановые волосы ниже плеч, серые глаза и лицо то же самое обычное – я не дурнушка, но и не красавица. Нос прямой, рот, который мог быть и поменьше. Я не высокая и не низкая, в общем, рост у меня средний. Не худая и не толстая.

Я где-то посередине. Не из тех, кого сразу же замечают в толпе. Я запросто могу затеряться на чьем-то фоне. Люди как я редко привлекают к себе внимание.

Тем ни менее у меня получилось...

Поласкаю рот, бросаю на себя последний взгляд и выключаю свет.

В кровати, в безопасности своей комнаты вновь вспоминаю Данте. И впервые за последние полгода я засыпаю с мыслями о парне, не представляя, какими изощренными способами я могла бы его убить.

– Дед, это я, Кая! Лужайку совсем засыпало – скажи пацану Эриксенов, чтобы собрал их! – громко говорю я, идя в сторону кухни, где слышится приглушенный звук радио. У деда оно большое и старое, не самого лучшего вида, но по какой-то причине (о которой я догадываюсь) он хранит его.

Вхожу в кухню и вижу сидящего за столом деда. Как всегда, читает раздел некрологов в ежедневной газете.

– Привет. – Наклоняюсь и целую сухую, сморщенную щеку. – Есть хочешь?

У деда я бываю каждую неделю, иногда по два раза. Помогаю по хозяйству, покупаю продукты и готовлю.

Он еще одна причина выйти из дома.

– Натан Мосли отдал концы, – сообщает дед, поджимая вставную челюсть. – Этот осел был младше меня на три года.

Мое «человеколюбие» досталось мне от деда. Считай, он воспитал меня, так что по-другому и не могло быть.

– Сколько тебе говорила не читать эту фигню, – отбирая газету, ворчу я. – Дед, Хелена приходила?

Три раза в неделю к деду ходит сиделка, но почти вся ее помощь состоит в том, чтобы следить, принимает ли он лекарство и вовремя пополнять новое.

– Приходила, – бурчит дед, а я закатываю глаза – он и Хелена плохо ладят, но ее услуги покрывает социальное обеспечение, поэтому выступать не приходится.

– Еды почти нет, – обернувшись через плечо, говорю я, стоя перед открытым холодильником. – Сейчас сооружу тебе что-нибудь и съезжу в магазин.

Пока делаю сэндвич с жареным сыром (больше ничего нет), дед рассказывает мне главные события недели. Дикерсы завели лабрадудля, Симонс купил новую газонокосилку и лоханулся – в соседнем округе такая же дешевле. Дочка Одетты Ливенштайн вернулась к матери, сбежав от мужа.

Может кому-то это покажется странным, но эти часы с дедом – самое лучшее, что происходит со мной за неделю. Дед рассказывает, я что-то делаю и получаю удовольствие от атмосферы умиротворения. Я становлюсь спокойной и почти забываю о всем дерьме в своей жизни.

Мои родители экологи. Большую часть моего детства и старшей школы провели в поездках. Я месяцами жила с бабушкой и дедом, и только на каникулы родители забирали меня к себе – чаще всего в очередную командировку.

Жить с ба и дедом мне нравилось. Они были классными и веселыми, в отличие от вечно занятых и строгих родителей.

Бабушки не стало три года назад. Однажды она заснула и больше не проснулась. Я тогда училась в выпускном классе. Мать с отцом предлагали мне перебраться к ним в Мэриленд (к тому времени они осели, и командировок стало меньше), но я отказалась. Не могла бросить деда, да и не хотела. Дед мой самый близкий друг на планете.

Конечно, он сдал после смерти бабушки. Они прожили вместе сорок восемь лет – ее смерть подкосила его. Однажды мама предложила переселить деда в «Ореховую рощу» – дорогой дом престарелых под Балтимором. Дед послал ее нахер. Мысленно я сделала то же самое.

Да, деду стало сложно справляться с домом, но ведь у него была я.

– Дед, а что там вдова Кранч? Все еще строит тебе глазки? – с намеком спрашиваю я. Дамы в церкви поглядывают на деда, многие с надеждой.

– Ну тебя! – отмахивается дед, но глаза отводит: смущается.

Я смеюсь.

– Красотки с церковного лото запали на тебя, – подначиваю я.

Знаю, что дед никогда не найдет замену бабушке. Это и невозможно. Но в его возрасте флирт вреда не принесет.

– Хватит болтать чепуху, Кая.

Дед ворчит, но я вижу, что не злится. Он на меня вообще никогда не злится.

Подхожу и обнимаю его за шею сзади.

– Это правда. Ты же у меня еще тот красавчик – они просто не могут не влюбиться, – с гордостью заявляю я, а дед смеется – я его развеселила.

Позже еду в ближайший супермаркет, вооружившись списком покупок. Бабушка всегда так делала: всю неделю заносила в блокнот все, что необходимо купить, а в выходные мы с ней ехали в магазин.

Вести домашнее хозяйство я научилась от нее.

Руководствуясь списком, обхожу торговые ряды. Дед живет в Западной части города, довольно далеко от университета, но я множество раз просыпалась в холодном поту, когда мне снилось, что каким-то образом он все узнал. Благо дед далек от интернета, но что, если кто-то из его знакомых увидит и доложит?

Если моя ситуация и может ухудшиться, то при развитии этого сценария.

Заворачиваю в ряд соусов и заправок, и вдруг понимаю, что парень в нескольких шагах от меня мне знаком. Две недели назад я встретила его на вечеринке, и с тех пор ни дня не прошло, чтобы я не вспомнила о нем.

Интересно, а он вспоминал?

Данте в компании какой-то старушки, по виду возраста моего деда. Похоже, он здесь по той же причине, что и я – помогает своей бабушке.

Это так мило – не могу сдержать улыбку. Разве человек, помогающий старушкам, может быть плохим?

Они меня еще не заметили. Я колеблюсь несколько секунд, подойти или нет, но решаю, что такой возможностью не воспользоваться нельзя. Нервно толкаю тележку вперед.

Что, если он меня не узнает?

– Привет, парень с лестницы.

На моем лице нервная улыбка, когда Данте поднимает голову и замечает меня. Они с бабулей увлеклись чтением этикетки на банке томатного соуса. С мгновение он смотрит так, будто пытается вспомнить, знакомы ли мы. Но очень скоро его лоб разглаживается, на губах появляется улыбка, а в глазах отражается узнавание.

– А-а, Кая, которая заподозрила во мне маньяка. – Веселье слышится в его голосе.

Его спутница стреляет в меня прозорливым взглядом, деловито подобравшись.

– Кому мог прийти в голову такой вздор? – обращается она к нему, но смотрит на меня.

Чувствую, как мои щеки становятся пунцовыми.

– На самом деле я не...

– На самом деле, Алтея, Кая очень милая девушка, – посылая мне смеющийся взгляд, убеждает бабульку Данте.

– Этот мальчик очень достойный, воспитанный молодой человек, – чинно информирует старушка, даже после его слов не смягчившись ко мне.

Похоже, она его горячая фанатка.

– Не сомневаюсь, что так, – бормочу я, стараясь не засмеяться.

Мне не хочется, чтобы эта старая леди думала, что я плохо отношусь к нему. Это вовсе не так. Я видела его всего однажды, вечером и под влиянием эмоций. Возможно, мой мозг преувеличил, и он вовсе не так хорош, не так остроумен. Но сейчас мне ясно одно: он на самом деле очень симпатичный. Вообще-то, он просто красавчик. Его глаза действительно зеленые, а волосы темно-русые, а не черные, как мне казалось.

Он великолепен. И мое сердце какого-то черта колотится быстрее из-за новой встречи с ним.

– Алтея, познакомься с моей подругой Каей.

Его голос звучит очень естественно, когда он называет меня подругой, будто мы и правда знакомы много лет.

Я улыбаюсь и говорю, что рада знакомству, но старушка удостаивает меня только коротким кивком, берет тележку и семенит прочь.

Сконфуженно смотрю ей вслед.

– Прости Алтею – она просто ревностно относится ко всему, что касается меня, – доверительным шепотом сообщает Данте.

По моему позвоночнику бегут мурашки: как я ее понимаю!

– Мне нужно догнать ее и помочь. – Он начинает отходить, и я понимаю, что он сейчас уйдет, а я так и не узнала у него ни фамилии, ни номера. – Рад был тебя увидеть, Кая! – уже отдалившись, кричит он.

Вынуждаю себя улыбнуться и машу рукой, но хочется плакать. Моргаю и надеюсь, что все же не разревусь среди банок с соусом из-за парня, который, очевидно, во мне не заинтересован.

Будь иначе, он бы дал мне это понять.

Уныло заканчиваю делать покупки, надеясь, что больше никогда не увижу Данте. Сама я не смогу предложить ему со мной встретиться, а он делать этого не станет, так что лучше вообще больше не сталкиваться...

Расплатившись на кассе, выкачиваю тележку на улицу и внезапно замираю. Данте здесь и кажется, ждет он меня.

Я настороженно смотрю на него, пока он идет ко мне с каким-то решительным выражением на лице.

– Не уверен, что следующая встреча случится скоро, если вообще случится, поэтому, может быть, ты оставишь мне свой номер?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- Не разбудил?
- Кто это?
- Парень, которого ты ошибочно приняла за маньяка.
- Данте?
- Узнала все же.

В трубке раздается его смешок, а я сонно моргаю, фокусируя взгляд на часах: почти час ночи.

Что происходит?

– Что делаешь, Кая?

Озираюсь, все еще не уверенная, не снится ли мне это.

– Сплю.

– Значит, я тебя разбудил.

– Вроде как. – Я поднимаюсь повыше и опираюсь на спинку кровати. – Что-то случилось? – Зеваю, прикрыв рот ладонью, чтобы Данте не услышал.

– Только то, что мне захотелось позвонить тебе, – без тени смущения отвечает он.

Я все еще не до конца проснулась, но не могу сдержать улыбку, слыша это.

– Ты не веришь в правило трех дней? – шучу я.

Он взял мой номер только накануне и обещал, что позвонит, но я не ждала, что так скоро.

И не ночью.

– Ты бы хотела, чтобы я позвонил через три дня? – серьезно спрашивает Данте, и я понимаю, что если бы он это сделал, следующие три дня показались бы мне очень долгими.

– Нет, на самом деле нет.

– Прогуляешься со мной?

– Сейчас?

– Да. Это проблема?

Почти час ночи и практически незнакомы парень зовет меня пойти с ним неизвестно куда.

Разве это проблема?

С удивлением понимаю, что готова согласиться и почти не переживаю по этому поводу.

Я не думаю, что Данте причинит мне зло.

– Нет, не проблема. Но мне надо минут пятнадцать, чтобы собраться, потому что сейчас я в пижаме.

Сказав это, я начинаю краснеть и хорошо, что Данте этого не видит, потому что мне совсем не хочется, чтобы он понял, что меня смутила эта двусмысленная фраза.

Он говорит, что заедет за мной, если я назову ему свой адрес, и предупреждает, чтобы оделась потеплей – на улице холодно. А затем вешает трубку.

Я пулей выпрыгиваю из постели и мчусь в ванную. Умываюсь и чищу зубы – мое дыхание должно быть свежим. Сбрасываю пижаму и переодеваюсь в леггинсы и толстовку с эмблемой универа.

Я давно не была так взволнована. По-хорошему взволнована. На моих щеках румянец и горят глаза. Смотрю на себя в зеркало и улыбаюсь. Неужели теперь все станет лучше, и я смогу вернуть себе нормальную жизнь?

С осторожностью пробую эту мысль. Не хочу торопиться, но у меня вдруг появилась надежда.

– Ты куда?

Хизер с Джем в гостиной смотрят «Очень странные дела» по Netflix, когда я выхожу из комнаты. Чертыхаюсь про себя от досады: почему, когда надо, эти двое сидят здесь, а не трахаются в комнате Хизер?

– Прогуляюсь.

– В час ночи? – Хизер поднимает голову с плеча Джея и тарашится на меня как на чокнутую.

– Ты косяка нашмалилась? – хмыкает Джей.

Держусь, чтобы не послать его в жопу. Вообще-то он не так и плох. Ну, не полный баран.

– Не выдумывай, Кая. Поздно уже.

Хизер волнуется. Точно решила, что я поехала.

Придется признаться.

– Я не одна.

– А с кем? – настораживается подруга.

Джей выключает звук на телевизоре и подается вперед.

– С Данте.

– С тем самым?

– Что еще за Данте? – хмурится Джей.

– Ну тот, который тусовки устраивает. Кая познакомилась с ним на последней, – объясняет Хизер, повернувшись к нему.

Я терпеливо жду, когда мне можно будет свалить.

– Как? – не унимается Джей.

– Эй, ребят, давайте вы здесь без меня поговорите – я тороплюсь.

Пячусь к двери, но Хизер идет ко мне, не собираясь отпустить меня так просто.

– Кая, стой! Откуда у него твой номер?

Я не рассказала им, что случайно встретила Данте, когда была у деда. Приходится быстро пересказывать это.

– И он позвонил тебе ночью?

Я киваю с таким видом, будто не нахожу в этом ничего странного.

– Ты не можешь пойти с этим парнем. Ты его не знаешь.

– Конечно не можешь. Ты что, совсем долбанулась?

Знаю, что таким образом Джей проявляет заботу и только потому не советую ему пойти и поцеловать задницу обезьяны.

– Вас я тоже когда-то не знала.

Хизер склоняет голову к плечу и неодобрительно поджимает губы. Согласна, в их словах есть здоровое зерно, но я уверена, что с Данте мне ничего не угрожает. Это на уровне инстинкта.

Я не смогу объяснить им.

– Я ему верю. – Это все, что я могу сказать.

Для Хизер и Джея это звучит как нечто из разряда невероятное, потому что они знают, каково мне сказать такое. Поэтому, когда Данте звонит и говорит, что ждет меня на улице, друзья спускаются вместе со мной.

– Ты собираешься ехать на ЭТОМ?

В голосе Хизер слышится ужас – и я ее понимаю. Я и сама в небольшой панике, потому что Данте ожидает меня возле мотоцикла. Он приехал за мной на этой опасной штуковине на двух колесах, а не в безопасном, добром старом автомобиле.

– По всей видимости – да, – отзываюсь я, пытаюсь не показать страха.

– Сумасшествие какое! – всплескивает руками подруга. Потом она мчится к Данте, и я ему не завидую: когда Хизер настроена так воинственно, это правда может пугать. – Ты! – Она тычет в него пальцем. – Будешь очень, очень осторожен с ней, иначе я лично вырву твои яйца с корнем!

Данте кажется опешившим – нападения от шикарной рыжей амазонки он не ожидал. Я едва держусь, чтобы не улыбнуться.

– Она серьезна, чувак, – предупреждает Джей. – И тебе лучше послушать ее, иначе тебе придется иметь дело со всеми нами.

Я смотрю на Джея, раскрыв рот. С этим парнем мы часто обмениваемся остротами, иногда откровенно бесим друг друга, но сейчас он ведет себя как настоящий защитник. Я решаю, что в будущем буду терпимей с ним.

– Я учту, – кивает Данте совершенно серьезно. – У меня и в мыслях не было причинить вред Кае.

Он смотрит на меня и взгляд его глубоких, удивительных глаз теплеет. Мои внутренности превращаются в желе: похоже, я попала.

– Хорошо, – кивает Хизер – она все еще выглядит суровой. – Куда ты везешь ее?

– Мне бы хотелось пока что сохранить это в тайне. Не потому что у меня что-то на уме, – торопится пояснить он, когда глаза Хизер щурятся. – Но это должна была быть неожиданность вроде как.

– Все будет хорошо. – Я с нажимом смотрю на Хизер, давая понять, что достаточно – уже все поняли, кто в городе шериф.

– Верни ее нам в целостности и сохранности, – кричит Джей, когда Данте надевает на меня шлем и инструктирует крепко обхватить его за талию.

Я дрожу и мне кажется, это слишком очевидно. Призываю все свои внутренние силы, чтобы успокоиться. И дело вовсе не в том, что я напугана (хотя езда на мотоцикле доверия не вызывает), нет, я не боюсь Данте. Я взволнована близостью с ним. Он так хорошо пахнет – не резким, дорогим парфюмом, а чистотой, сандаловым мылом и чем-то сугубо своим. На нем черная куртка из мягкой кожи – сквозь нее я ощущаю исходящее от него тепло.

Закрываю глаза, пока ветер свистит мимо нас, несущихся сквозь ночной город.

Возможно Хизер права: это сумасшествие. Но, господи, так хорошо мне уже давно не было!

– Извини за эту сцену. – Я в смущении смотрю на Данте, когда он снимает с меня мотоциклетный шлем. Мои волосы в беспорядке, я в этом уверена. Кое-как приглаживаю их рукой. Даже несмотря на толстовку, я немного продрогла и замерзла бы еще больше, если бы он не прикрывал меня своим телом.

Мысль о теле Данте, которое прикрывает меня очень быстро повышает мою температуру. Боюсь, скоро мне станет по-настоящему жарко.

– Твои друзья волнуются – это нормально, – пожимает он плечом, посылая мне успокаивающую улыбку.

Я только киваю: он не знает, но для такой сверхопеки есть причина. И я надеюсь, что он никогда о ней не узнает.

– Так где мы? – Я поднимаю голову и смотрю на здание, у которого мы остановились. Оно похоже на двухэтажный склад, а может это переделанная из складского помещения квартира, которых сейчас очень много. Нужно отвлечься и не думать, что Данте каким-то образом может узнать о том, что я так тщетно (пока) пытаюсь забыть.

– У меня. – Он прячет руки в карманы джинсов, бросая на меня несколько неуверенный взгляд. Теперь, кажется, смущается он.

Я настаиваю: надеюсь, он не думает, что я стану спать с ним уже сегодня. Потому что, если так, мне придется быть с ним грубой и никогда больше не встречаться, а я этого очень не хочу.

– Понимаю, что ты сейчас должно быть подумала, но нет, это не для этого я привез тебя к себе, – говорит он, глядя мне в глаза с самым искренним видом.

– Ты не можешь знать, о чем я подумала, – легкомысленно отрицаю я, на что он только усмехается.

Я чувствую, что Данте волнуется, когда отпирает дверь и впускает меня внутрь. Будто ему важно, что я подумаю о его доме и как ко всему отнесусь. Я с интересом осматриваюсь: здесь вполне уютно, порядок в той степени, которого можно ожидать от молодого парня, но обстановка и сама атмосфера такая же успокаивающая, как и сам хозяин.

– Мне нравится, – решаю я, кивнув Данте.

Он отвечает мне улыбкой.

На самом деле мне безумно любопытно, для чего он привез меня к себе так поздно, если не для того, чтобы склонить меня к лежанию в горизонтальной плоскости.

– Возможно тебе покажется это странным, но... – Он делает паузу, колеблясь, и что-то решив, кивком головы зовет за собой. – Пойдем, лучше покажу.

Интрига нарастает. Данте ведет меня на кухню, оборудованную в дальнем углу квартиры-склада.

– Ты хочешь, чтобы я готовила тебе?

Я шучу, но взгляд Данте подсказывает мне, что я недалеко от истины.

Это самое странное первое свидание в моей жизни. Не то, чтобы у меня был большой опыт. И не то, чтобы это было свидание...

– Не совсем, но я надеюсь, ты поможешь мне.

Выгибаю брови и смотрю на него выжидающе.

– Нам нужно будет сделать пару десятков сэндвичей. Если мы будем делать это вместе, то все будет быстрее.

Может ли этот парень быть еще более необъяснимым?

– Ладно, но ты скажешь мне, для чего мы это делаем?

Данте кивает.

– Обязательно. Но позже.

Как бы меня не разбирало любопытство, но я набираюсь терпения, и мы приступаем к работе. Смазываем куски хлеба майонезом и горчицей, кладем начинку, накрываем. Отправляем в пакет. И так по новой.

– Суровая у тебя бабушка, – улыбаюсь я, когда проходит несколько минут, которые мы работаем в тишине – она не тягостная, но мне хочется узнать о нем как можно больше, а для этого нужно спрашивать.

– Алтея не моя бабушка.

Я удивленно смотрю на Данте. У меня не было сомнений, что это так.

– Тогда кто она?

– Просто старая женщина, которой я время от времени помогаю, – пожимает он плечом.

– Это... мило.

Я немного смущена тем, что меня это удивляет. Я помогаю своему деду, но тут все понятно – я его внучка, и он много лет обо мне заботился.

Почему это делает Данте? То есть да, это очень похвально и показывает его как замечательного человека, но многие ли парни его возраста поступают так?

Ловлю себя на мысли, что возраст Данте мне неизвестен. Ему точно больше двадцати, но сколько? Он выглядит немного старше, чем парни из университета.

– Ты учишься в Гонзаге? – Я не думаю, что это так, но должна же я в конце концов хоть что-то узнать о нем. К тому же, похоже, Данте не большой любитель говорить о себе.

– Я похож на того, кто учится в Гонзаге?

Он переводит взгляд с сыра на меня. Его губы складываются в улыбку, и я вновь чувствую это уже знакомое мление в животе.

Он волнует меня. Очень сильно. Так, что это даже немного пугает, потому что я не уверена, что он тот, кто заводит отношения.

А еще очень может быть, что у него есть девушка. Как я раньше об этом не подумала?

Мление сменяется беспокойством. Вот что мне точно не нужно, так это ревнивая подружка.

– Не очень, – честно отвечаю я. – Ты не студент, да? – Я вдруг отчетливо понимаю это.

Он качает головой, продолжая смотреть на меня.

Мление – беспокойство – страх – волнение и снова мление... Просто какая-то карусель.

– Сколько тебе лет, Данте?

– Сколько по-твоему? – Он выгибает одну бровь и это выглядит очень, очень сексуально.

Мне не стоит акцентировать свое внимание на ЭТОМ.

– Не знаю: двадцать три? – Испытываю досаду от того, что он отвечает вопросом на вопрос.

– Пусть будет двадцать три.

Я хмыкаю: ну это же абсурдно!

– Ты не любишь говорить о себе, да?

– В мире очень много тем, которые более интересны, чем моя персона, Кая.

С этим я бы поспорила.

– Но я никуда не тороплюсь, и знаешь, мне бы хотелось узнать немного больше о парне, дома у которого нахожусь. Ночью.

Мой тон легкомысленный, но Данте выглядит очень серьезным, когда отвечает.

– Я не причиню тебе зла, Кая. Это главное, что тебе надо знать. Ты мне веришь?

Он смотрит на меня со скрытой в глазах тревогой. А еще я вижу боль и огромную печаль, которые затаились так глубоко, что кажется, никогда и ничем не искоренишь их оттуда.

Этот парень с улыбкой, от которой захватывает мой дух – страдал. И я знаю это совершенно точно, при этом практически не зная его самого.

Я киваю.

– Да, Данте, верю.

Остаток времени, пока мы доделываем сэндвичи, я рассказываю ему о себе. О том, где родилась, что жила с бабушкой и дедом, и что поступила в университет Гонзага, чтобы быть рядом с дедушкой после того, как не стало ба.

Я не большой любитель говорить о себе – вот где действительно скука смертная, но Данте слушает меня с интересом, и я продолжаю.

Он сам спросил, что мне показалось немного нечестным, так как о себе говорить он отказывается, но этого я ему не сказала.

В моей жизни не было ничего примечательного, и я не делала тайны из своей биографии. Обычное детство, стандартные подростковые проблемы; никаких ужасов, никаких трагедий.

Случай этой весной – исключение и я оставляю за собой право не упоминать о нем.

О таком не говорят парню, который тебе нравится.

– Что дальше? – спрашиваю я, когда все двадцать сэндвичей готовы.

Данте бросает на меня загадочную улыбку, затем вынимает из нижнего шкафчика два больших термоса – один для чая, другой для кофе.

– Для кого это все?

Я больше не могу сдержать любопытства, когда он укладывает все в большой черный рюкзак.

– Скоро увидишь.

Данте надевает свою кожаную куртку, а мне дает одну из своих толстовок, чтобы я надела ее поверх своей. Когда мы одеты, он берет меня за руку, и мы выходим на улицу, где стало еще

прохладней. Но, удивительно, мне очень даже тепло и дело не во второй толстовке, а сильной, горячей руке парня, что держит меня.

– Это чтобы обезопасить тебя, – с улыбкой говорит он, надевая на мою голову шлем. Легкое облачко пара вырывается из его губ. Они у него безумно красивые, как и весь он. Нижняя немного полнее верхней. Мягкие на вид, манящие. Мне хочется ощутить их на вкус, почувствовать контакт с моими губами.

Уверена, это будет нечто.

Мое лицо теплеет от прилива крови – хорошо, что на мне скрывающий это шлем.

Мы снова в дороге. Теснее, более смело прижимаюсь к спине Данте. Руки плотно обхватывают его за пояс и даже сквозь одежду я чувствую крепкие мышцы его тела.

Если бы мне пришлось описать его одним словом, это была бы «Безопасность».

– Тебе ничего не угрожает. Эти люди не опасны. И я с тобой, – негромко уверяет меня Данте.

Думаю, на моем лице все же отразился небольшой шок, когда я поняла, куда он меня привез.

Это ночевка для бездомных. Несколько десятков человек – двадцать, не меньше. Кто-то греется у костров, разведенных в старых баках, кто-то спит, укрывшись ветхими одеялами и какой-то одеждой.

Данте свернул с дороги, когда мы проехали мост – это место находилось как раз под ним.

Теперь мне стало понятно, для кого была вся эта еда. Заставляю себя улыбнуться, хотя и нервничаю. Не могу сказать, что мне комфортно.

– Я не боюсь, – заверяю я, но вижу, что обмануть его не получилось.

Он вновь берет меня за руку и ведет к кострам. Люди приветствуют Данте, поднимается оживление, а он здоровается с ними, называя каждого по имени.

Почти все люди здесь преклонного возраста, но есть и молодые лица. Мужчины и женщины обступают нас, а Данте опускает рюкзак на землю и начинает раздавать сэндвичи и пакеты с закусками.

Я стою рядом, чувствуя скованность и немного растерянность, но Данте держится совершенно спокойно, что немного приглушает мою тревогу.

– Кая, поможешь?

Он показывает на термосы и поколебавшись всего миг, я киваю. Затем присаживаюсь, беру термосы и разливаю кофе и чай в кружки, которые подставляют мне люди.

Они смотрят на меня с любопытством. Догадываюсь, что я для них такая же диковинка, как и они для меня.

– Как ты любишь, Вилли, без горчицы, – сообщает Данте, передавая какому-то худому старику сэндвич.

– Благослови тебя Бог, парень, – отвечает мужчина – его глаза при этом влажно блестят.

Я понимаю, что Данте тут хорошо знают. Люди не боятся его, ведут себя так, будто он их старый друг. Интересно, как часто он делает это?

– Твоя спутница настоящая красавица, Данте, – хихикает пожилая женщина в длинной юбке и седыми, нечёсанными волосами.

– Так и есть, Марго, – отвечает ей Данте, но при этом смотрит на меня смеющимися глазами.

Особо не стараясь, он покорила меня. Полностью. Он – исключительный. Совершенно точно, что раньше я таких парней не встречала, и более чем уверена, не встречу впредь.

После случая с Треем я не верила, что когда-либо в будущем смогу быть рядом с парнем, не испытывая к нему отвращения. Но с Данте ничего этого нет. Более того – я ему доверяю, а ведь совсем недавно была убеждена, что больше никогда ни одному парню не поверю.

– Ты сюда часто приезжаешь?

Позже, когда еда роздана, а термосы пустые, мы с Данте спускаемся ниже к реке и сидим на берегу, слушая шум бегущей воды. Несмотря на то, что уже почти пять утра, мне совсем не хочется спать.

– Иногда. Я знаю, что это не решит их проблем, но заставит почувствовать себя немного лучше, возможно.

Он поворачивается и смотрит на меня в утренних сумерках, и мое сердце, по-глупому, восторженно замирает на короткий миг, а потом несется со всей сумасшедшей скоростью.

Возможно этот парень опасен для меня, но совсем по другим причинам.

– Почему ты делаешь это? Не подумай – я считаю, что это здорово, потому что на самом деле таких людей мало, но... Почему?

– Я просто делаю что могу, Кая, – пожимая плечами, бесхитростно отвечает он.

Прежде я никогда не задумывалась о тех, кто живет так. Признаться, я их не замечала. А сегодня Данте показал мне, что они существуют, они реальны и являются частью города, в котором я живу.

Это заставляет меня задумать о том, что есть те, кому намного сложнее, чем мне. И может теперь я перестану так часто себя жалеть?

– Знаешь, люди не всегда могут контролировать то плохое, что случается с ними, – негромко говорит Данте, а я настораживаюсь: не имеет ли он в виду и меня? – Никто этого не хочет, но иногда... дерьмо просто происходит, становится реальностью и остается только жить с этим.

В его голосе есть что-то горькое, хотя тон спокойный и ровный. Думаю, это не просто слова или рассуждения, а то, что ему пришлось испытать самому.

– Вилли бывший военный. Его жена ушла от него и забрала с собой детей, пока он был на службе. Это его подкосило, и после возвращения он так и не смог адаптироваться. В итоге оказался на улице. А Марго потеряла свою семью за одну ночь. Она была доктором, и когда ее муж и две дочери сгорели вместе с домом, была на смене в больнице.

Я знаю, что он говорит это не для того, чтобы напугать меня, но все равно у меня по коже бегут мурашки. На фоне трагедии этой женщины мои собственные проблемы кажутся мне пустяком.

– Никто не выбирает такую жизнь, Кая. Это лотерея, где ты не хочешь оказаться победителем, но иногда тебе выпадает «джек-пот».

«Тебе он тоже выпал, правда, Данте?» – вдруг хочется спросить мне, но я только утыкаюсь подбородком в колени и молчу.

Не уверена, что хочу услышать его ответ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– То есть, ты ничего не узнала о нем? И снова собираешься с ним встретиться? Кая, ты ведешь себя безрассудно!

Хизер скрещивает руки на груди, категорично мотая головой. С каких пор она стала такой «мамочкой»?

– Я узнала о нем достаточно, чтобы продолжить общение. И что ты так возмущаешься? Вы же сами настаивали, чтобы я оторвала задницу от дивана и вернулась к жизни. Так я и делаю!

Мне не нравится стоять перед ними и оправдываться как какой-то школьнице. Вот минусы жизни с соседями: им до всего есть дело!

– Да, но Кая, ты только начала оправляться после истории с Треем, – осторожничает Ким. – Чему я, безусловно, рада, но... Хизер права – ты ничего не знаешь об этом парне. Почему он ничего не рассказывает о себе? Кто он? Чем занимается?

– Потому что не все люди доверчивые и распахивают душу каждому встречному, Ким! – Это звучит немного резче, чем я планировала. – Если он так ведет себя, значит у него есть на то причины. Это не означает, что он скрывающийся от полиции преступник, поклоняющийся сатане и пьющий кровь девственниц в полночь.

Ким поджимает губы и никак не комментирует мою тираду. Но Хизер не отступает.

– Ладно, пригласи его к нам на ужин. Мы познакомимся с ним поближе и возможно тоже почувствуем к нему доверие, – предлагает она.

Я плохо представляю Данте за одним столом с моими друзьями. Он на них вообще не похож.

Идея сомнительная.

– Думаю, для этого рановато, Хизер. Мы пару раз пообщались, и он не давал никаких намеков, что заинтересован во мне как в девушке.

Боюсь, если скажу Данте, что мои друзья приглашают его на ужин, чтобы подвергнуть проверке, то оттолкну его. В том, что касается этого парня, следует действовать очень осторожно. Напор Ким и Хизер в особенности может напугать его.

– Если бы ты ему не нравилась, он не стал бы звонить тебе.

Слова Ким кажутся мне резонными. Но тем ни менее спешка только все испортит. Данте даже не попытался поцеловать меня этой ночью, хотя я и ждала этого.

Через два дня, когда я выхожу из Эндрюс Холла, неожиданно вижу Данте, поджидающего меня.

Не в состоянии сдержать улыбку, спускаюсь по лестнице навстречу ему.

– Что ты здесь делаешь?

– Подумал, что должен как-то отблагодарить тебя за твою помощь.

Он улыбается, не сводя с меня своего мягкого, глубоко взгляда, от которого мои внутренности превращаются в желе. Сегодня на нем черное полупальто, из ворота которого торчит капюшон серой толстовки, черные джинсы и кожаные кеды. Он без шапочки, и его волосы в легком беспорядке, а лицо покрывает короткая щетина. Таким он кажется еще старше.

Мои гормоны вновь начинают бушевать. Последние полгода мое тело будто бы находилось в спячке, мысли о сексе вызывали только неприятие, но чем больше времени я провожу с Данте, тем чаще о нем думаю.

– Поэтому позволь угостить тебя кофе, Кая.

Он всего только зовет меня выпить с ним кофе. Что может быть невинней? Но я только и думаю о том, как выглядит его тело без одежды, и как это будет, если мы с ним займемся любовью.

Эти мысли заставляют меня краснеть. Вообще-то до встречи с Данте я не подозревала, что чрезмерно этому подвержена.

– Старбакс тебя устроит? – торопливо спрашиваю я, гоня прочь мысли о сексе с Данте.

Что, в конце концов на меня нашло? Шесть месяцев жила без этого, не парясь, но стоило появиться симпатичному парню, как я начинаю сходить с ума!

Ну, хорошо, дело не только в том, как он выглядит. Это все в нем, оно притягивает меня к нему, как магнит.

– Вполне.

Данте кивает, и мы с ним направляемся в сторону расположенного на кампусе Старбакса.

Отмечаю про себя, что он не спрашивает дорогу, а это значит, что скорее всего уже бывал здесь.

– Как прошла лекция? – спрашивает он, спрятав руки в карманы пальто.

– Нормально, но немного хотелось спать. – Я пинаю камешек, глядя себе под ноги. – Как ты догадался, где я буду?

– Это было непросто. Мне пришлось задействовать свои связи в ЦРУ, чтобы узнать твое расписание, – понизив голос, признается он.

Я прыскаю со смеху.

– Что?

– Это было бы круто, да? – Он качает головой и когда улыбается, я снова вижу его идеальные зубы. – Нет, на самом деле я написал твоей соседке Хизер и спросил, где ты будешь.

– Ты мог просто позвонить мне.

– Это было бы слишком просто, – морщится он.

У меня к нему миллион вопросов. Мне хочется знать об этом парне все. Но я решаю начать с малого.

– Так чем ты занят, когда не помогаешь старым леди и не кормишь бездомных?

Обычно я не задерживаюсь в университете дольше, чем того требует нахождение в аудитории, но сегодня у меня нет желания поскорее сбежать. Рядом со мной Данте, и он поглощает все мое внимание. Остальное значение не имеет.

– Всякое, – неопределенно отзывается он. – Ничего особенного.

Он как будто закрывается, и я вновь натываюсь на невидимую стену, которой он отгораживается от меня.

– Ты работаешь где-то? – подталкиваю я.

Ну же, дай мне хоть что-то!

– Не сейчас. Временно нет.

Он хмурится, не глядя на меня, и я понимаю, что больше ничего не вытяну из него.

Но у меня нет времени в полной мере почувствовать досаду из-за этого, потому что, когда мы подходим к Старбаксу, двери кофейни распахиваются и навстречу нам выходит Маркус Уилби со своим дружкой Кевином.

Бежать слишком поздно. Остаться незамеченной никаких шансов. Меня охватывает паника, и могу поклясться, что сейчас мое лицо белое, как простыня.

Маркус замечает меня всего на долю секунды позже, чем я его. Моментом его глаза вспыхивают триумфом, а губы растягиваются в мерзкой, беспощадной улыбке.

Я знаю, что произойдет дальше. То, что и много раз прежде.

– Кая Стерано! Как всегда, радуешь мои глаза! – глумится Маркус, прохаживаясь по мне масляным, похотливым взглядом. Его дружок Кевин ухмыляется, делая то же самое.

Земля под моими ногами начинает кружиться. Воздуха не хватает. Резко разворачиваюсь, обхватываю себя руками и, нагнув голову, тороплюсь уйти подальше от этих двух уродов.

– Эй, скоро нам ждать твой новый фильм?! – издевательски кричит вдогонку Маркус и они с Кевином начинают ржать.

Проклятые слезы слепят глаза. В груди печет от недостатка воздуха. Почему они все еще делают это со мной?

Когда этому придет конец?!

– Кая?

Я вздрагиваю, когда обеспокоенный голос Данте зовет меня. На какой-то миг я забыла, что он рядом. Когда я убежала, он пошел за мной.

«А должен был бежать в противоположную сторону и забыть обо мне».

– Не против, если мы не пойдём пить кофе? – остановившись, смотрю на него и кусаю щеки изнутри, чтобы не разреветься по-настоящему.

– Нет.

Он смотрит на меня с тревогой, а я не знаю, что сказать. Я не знаю, как объяснить парню, от которого без ума, что была очень глупой, напилась и сделала самую большую ошибку в своей жизни.

Он, скорее всего, станет презирать меня и не без причины.

Тяжело сглатываю, прежде чем открыть рот.

– Эти парни... То, что они...

– Ты ничего не должна объяснять мне, – хрипло перебивает Данте, не отрывая взгляда с моего лица.

Помедлив, киваю. Да, наверное, это правильно. И я рада, что он это сказал, потому что я не представляю, как смогла бы рассказать ему.

– Хочешь уехать отсюда? – Его голос внезапно становится очень мягким, и я опять киваю, испытывая облегчение.

– Еще как хочу!

– Это необходимо?

– Абсолютно!

– Немного странно, знаешь ли.

– Не бойся, больно не будет.

Данте весело подмигивает мне, застегивая последнюю пуговицу на рубашке, которую надел на меня. Под ней на мне все еще моя одежда, но даже это не ослабляет мое волнение из-за того, что я в рубашке Данте.

Сначала толстовка (которая все еще у меня), теперь это. Так и привыкнуть можно. Очень может быть, что я приобрету себе фетиш, потому что мне очень нравится нюхать вещи этого парня.

Если бы толстовка могла говорить...

– Так и что мы делаем?

Данте привез меня к себе и всю дорогу, что мы ехали, я крепко держалась за него. Этого оказалось достаточно, чтобы я успокоилась и мне больше не хотелось броситься под поезд.

Он пообещал мне, что мы будем делать нечто веселое.

– Немного терпения. Теперь переодеться нужно мне, потому что то, чем мы займемся, будет грязно.

После этих слов он уходит куда-то, где я полагаю, находится его спальня, а я застываю на месте с отпавшей челюстью.

Уверена, произнося «грязно», он не придавал этому слову двойного значения, но я все равно тут же подумала о том, что мы могли сделать вместе, чтобы это стало грязным.

Но что точно таким являлось, это мои мысли. Почему я всему придаю сексуальный контекст?

Встреча с Маркусом и Кевином едва не сшибла меня с ног, но стоило нам с Данте остаться один на один, вдали от всего, что могло травмировать, как я снова дышала полной грудью и меня одолевали разные желания...

– Можем идти. Больше не буду тебя мучить.

«Ох, сомневаюсь», – проносится меня в голове, когда он возвращается, одетый в старые полинявшие джинсы и темную футболку с таким коротким рукавом, что я могла лицезреть крепкие мышцы его рук.

Я стараюсь не пялиться, но...

Господи, это же настоящая пытка!

Апр!

Наверно мне все же удастся скрывать свое состояние, потому что Данте ничего не замечает. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Он зовет меня за собой, и мы поднимаемся на второй этаж по металлической лестнице.

– Ого!

Я не могу сдержать возглас изумления, когда вижу, что находится здесь. Одна стена просто белая (точнее была когда-то) и это смотрится как огромный холст. А на полу куча разных банок с красками и кистями.

– Ты художник? – Перевожу обалдевший взгляд на наблюдающего за мной парня.

Данте запрокидывает голову и смеется.

– Точно нет. Только если вот это можно назвать искусством, тогда.

Он указывает на стену, раскрашенную красками всевозможных цветов и оттенков. Кое-где видно, что ее просто поливали из банки.

– Ну, я плохо разбираюсь в современном искусстве, – с осторожностью говорю я.

– Кая, это просто хрень. – Он с улыбкой качает головой. – Но у нее есть одно хорошее качество.

– Какое?

– Это весело. И тут не надо стараться или осторожничать. Просто ляпаешь краской в стену.

– Похоже, ты часто это делаешь, – бормочу я, рассматривая его «художества».

Не уверена, что это так уж весело или чем-то может помочь.

– Попробуй, – предлагает Данте, протягивая мне банку с синей краской и кистью, будто читая мои мысли.

Со скептическим видом беру банку. Не знаю, что мне делать дальше.

– Выбирай место и твори. Что хочешь, как хочешь. Не важно, что выйдет в итоге. Здесь нет системы, Кая.

Бросаю на него взгляд через плечо, все еще сомневаясь.

Данте ждет.

– Бессмыслица, – смущенно ворчу я, глубоко макаю кисть в краску и оставляю широкую полосу на белой, незапятнанной части стены.

Теперь на ней широкий, синий мазок. Это просто мазок краски, но я не могу отвести от него взгляда, будто зачарованная.

Я могу сделать что угодно с этой стеной, выбрать какую угодно краску и мне не нужно переживать, что я сделаю что-то неправильно или плохо.

Никакого контроля.

– Отпусти, – шепчет Данте у самого моего уха – я не заметила, как он подошел.

Приятная дрожь прокатывается по всему моему телу, ощущая его близость. И тогда я просто беру и выплескиваю краску на стену, испытывая странный, необъяснимый восторг, наблюдая, как синие потеки стекают вниз, образуя на полу лужицу.

Следующую банку я выбираю сама. Даже не выбираю, просто хватаю ту, что рядом. Синяя соединяется с красной. Белого почти не видно.

Я смеюсь, потому что это и правда весело.

Белая стена – это я, и я могу изменить ее, придать любой облик, так же, как могу сделать это с собой. Мне не обязательно быть слабой и беззащитной перед типами вроде Маркуса Уилби.

Данте присоединяется ко мне, и мы смеемся, поливая стену краской, как парочка ненормальных.

Теперь я понимаю, для чего он настоял на рубашке. Наша одежда в разноцветных брызгах, как наши лица и волосы.

Только теперь я поняла, в каком напряжении находилась. А сейчас это прошло. Не знаю, долго ли продлится эффект, но так легко мне давно не было.

– Спасибо. Ты был прав – это весело. Никогда ничего подобного не делала!

Мои глаза сияют, когда я смотрю на Данте. Он улыбается мне с видом: «Зря ты мне не верила».

А потом что-то происходит. Это просто вспышка, секундная слабость, но еще это большая, огромная ошибка.

Я тянусь и целую Данте, прижимаясь своим ртом к его губам, и это Полный Провал! Потому что он не отвечает. Он просто каменеет, и кажется даже не дышит, а я как дура, прилипшая к его губам.

На меня словно ведро холодной воды обрушивается. Распахиваю глаза, испуганно глядя на Данте, на лице которого полнейшее смятение.

В каком-нибудь ситкоме это была бы комичная сцена и вызвала бы смех зрителей, но...

Блядь! Дерьмо!

Я осторожно отступаю, мечтая со стыда провалиться под землю.

Данте по-прежнему не двигается. Он нахмурен и сбит с толку.

Подношу руку ко рту и трогаю губы дрожащими пальцами.

Какого черта я полезла к нему целоваться?!

– Прости... Мне не нужно было... Я просто... – начинаю лепетать я, но настолько унижена и раздавлена своей тупостью, что не могу закончить фразы.

И я делаю то единственное, что еще могу.

Убегаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ким с Хизер нет, когда я возвращаюсь домой, и это хорошо, потому что не думаю, что смогла бы сейчас справиться с их вопросами, а они непременно последовали бы, учитывая, как я выгляжу.

Убегая от Данте, я только успела схватить свой рюкзак и куртку, прежде чем волна стыда и поражения вынесла меня из его квартиры.

Его рубашка все еще на мне, как доказательство моего фиаско.

Почему я терплю его снова и снова в том, что касается моих отношений с парнями?

Почему тот, кого я захотела после пережитого макания в яму с дерьмом, не захотел меня?

Это, мать его, еще тот удар по самооценке!

Я знаю, что далека от стандартов красоты, но я вроде как всегда нравилась парням. И до этого чертового поцелуя думала, что нравлюсь Данте.

Глупо! Господи, как же глупо, Кая!

Чем он дал понять тебе, что хочет тебя, как женщину?

Ничем! Совершенно ничем, пока ты истекала по нему слюной!

А теперь ты залезешь обратно в свою нору и забудешь о нем, потому что он не для тебя.

Короткий, нервный смешок вырывается у меня из груди. Наверняка он меняет девушек каждую ночь, потому что он может. Потому что такие парни пользуются тем, чем наградила их природа и могут выбирать лучших из лучших.

Конечно, он обалдел, когда я полезла к нему целоваться!

Мне хочется поскорее скинуть с себя его рубашку, потому что она пахнет им, я дышу им и это как слой за слоем посыпать свежую рану солью.

Пальцы не слушаются. Перестаю осторожничать и вырываю пуговицы, сбрасывая рубашку, а следом и свою одежду.

Быстрее в душ, быстрее смыть с себя этот запах!

Забыть. Пожалуйста, просто забыть...

Горячие струи воды лупят по мне, едва не обжигая кожу. Не сразу понимаю, что вместе с водой по моему лицу стекают слезы.

Какого хера? Какого хера я опять реву из-за парня?!

Парня, в которого я могла бы влюбиться.

Тогда хорошо, что он отверг меня сейчас, пока не стало слишком поздно.

Ведь не стало?

Ложиться в постель еще рано, но я натягиваю пижаму и планирую остаток дня провести под одеялом. Если мне повезет, я смогу даже уснуть. А если нет, всегда есть снотворное, которое я принимала в первый месяц после случая с Треем.

В комнате смотрю на свое отражение. Глаза покраснели, но лицо осталось бледным, несмотря на горячий душ.

Вообще-то по своей природе я довольно бледная, это после знакомства с Данте румянец вдруг стал проступать.

Убираю мокрые волосы за уши, решая, что феном сушить не буду – лень. Уши у меня немного торчат, но я по этому поводу никогда не парилась.

А может и стоило.

Ложусь на кровать и обхватываю подушку обеими руками. Пялюсь в пустую стену у окна.

Как так получилось, что за последние полгода я превратилась в сраную королеву драмы?

В школе я этих страдалниц на дух не переносила, а теперь стала одной из них.

Тухлый отстой!

Все дело в надежде. Гребаной, ублюдской надежде. Я ведь именно ее обрела, когда с Данте познакомилась.

Стала мечтать и фантазировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.